

АТЛАНТИДА КАК ПРОБЛЕМА МЕТАИСТОРИИ

Вся Атлантида, готовая кинуться из глубины Атлантики на Европу и Азию, ошетибилась, как зверь, - "Зверь, выходящий из бездны", Апокалипсиса.

Д. Мережковский

Как это ни странно, но она до сих пор не найдена... За последние две с половиной тысячи лет об Атлантиде столько писали, что она еще не обрела определенного места на географической карте нашего исторического горизонта. Попытки "прописать" ее по строго фиксированному адресу как в истории, так и в мифологии, неизбежно кончались провалом. И это не удивительно, поскольку сама Атлантида, или "миф" об Атлантиде, есть именно провал во всемирной истории, белое пятно, образовавшееся из той черной дыры, в которую она погрузилась "в один бедственный день и в одну бедственную ночь", по словам Платона. Вместе с ней в бездну времени и океана погрузилось еще нечто, очень важное для судеб нашей цивилизации и обрекающее нас на его поиски под видом романтических изысканий затонувшей страны.

Легенда об Атлантиде - изгой и аутсайдер исторической науки, "вечный жид" всемирной истории, и в то же время ее "Летучий Голландец", встреча с которым в пространстве эсхатологического гнозиса чревата катастрофой.

Существовала ли она вообще, и если существовала, то находима ли (1)? Во всяком случае, какие бы ответы мы ни получили на эти вопросы, бесспорно одно: Атлантида вненаходима. Она по ту сторону истории и наших представлений о ней, она в области вечных первообразов и архетипов, в царстве метаистории. Историческая и географическая вненаходимость Атлантиды провоцируют нашу рефлексию и поиски на столкновение со сферами сакральной истории и сакральной географии. Последние, являясь традиционными науками (в противоположность профанным и светским наукам), сообщают проблеме Атлантиды подлинную метафизическую и эзотерическую глубину. Атлантида тогда превращается в проблему метаистории, в объект метаисторических исследований. В процессе этих исследований выясняется, что она нечто символизирует, свидетельствует о мире Традиции (2) и о нас самих. Что же именно?

Во-первых, следует отметить, что понимание значения и роли Атлантиды в метаистории и для истории, как правило, находится в стороне от рационалистических конструкций и построений и более лежит в сфере мистического опыта. Во-вторых, в еще большей степени она принадлежит мифологии, но не в обычном ее понимании.

"Миф" об Атлантиде обладает особыми, креативными - творческими и конституирующими - свойствами, властно влияющими на нашу историю и культуру. Атлантида потонула не только буквально, но и метафорически, превратившись в "коллективное бессознательное" нашей истории, напоминающее о себе в редуцированных нашим историческим сознанием архетипах. В какой-то мере подобный "миф" способен определять историю. Тем более

если этот миф эсхатологический. Атлантида же и есть преимущественно миф эсхатологический. А вся область эсхатологии всецело относится к ведению метаистории.

Но прежде чем представить все значение "атлантического" эсхатологизма на нашу цивилизацию, необходимо остановиться на роли праистории как ипостаси метаисторического.

Уже по отношению к греческой истории эпоха Атлантиды предстает как праистория, то есть как предшествующая, материнская цивилизация. Это представление присутствует уже в диалоге Платона "Тимей", где противником экспансии Атлантиды в Средиземноморье является государство праафинян. Последнее по отношению к современным Платону Афинам выступает в роли "государства-первопредка", чуть ли не мифического героя, наделенного сотериологическими функциями (спасения мира). Существование праафинского государства, равно как и Атлантиды, за давностью лет практически изгладилось из памяти людей и стало достоянием мифологии. Любой же миф по отношению к истории предстает как своего рода аналог первичного хаоса по отношению к упорядоченному космосу. Несмотря на родство, такой миф (или праистория) становится враждебным космосу истории. В античной мифологии эта вражда символизируется победой олимпийских богов над хтоническими чудовищами и титанами. В современной науке это противостояние истории и мифа переосмысливается как борьба Логоса против Мифа.

Во многом эта метаисторическая борьба до сих пор остается самой "неизвестной войной" в эзотерической истории человечества. В нашу задачу не входит ее реконструкция, но ее результаты имеют непосредственное отношение к затрагиваемой нами теме. Победа Логоса ознаменовала собой не столько победу исторического и рационального мышления над иррациональной стихией мифа, сколько смену глобальных мировоззренческих парадигм, задающих стратегию развития мировой цивилизации. Обычно принято перечислять все благодатные последствия этой победы. Однако при этом почему-то забывается (очевидно, по праву победителя), что следствием этой победы явилось начало окончательной реинтеграции и инверсии изначальной традиции, процессов десакрализации культуры и мифологии. В результате родилась, как Афина из головы Зевса, собственно история - начались те процессы, которые характеризуют современное антитрадиционное состояние общества последних тысячелетий. Стремление выйти из кошмара исторического, "слишком человеческого" бытия, из временного - в вечное, вернуться в золотой век мира традиции - стало основным побудительным мотивом всех последующих религиозных эсхатологии.

Появление письменности 5 тысячелетий назад становится первым провозвестником грядущей победы истории, логоса над мифом. Все дописьменное превращается в своего рода доисторию, миф, и позднее объявляется ложью и вымыслом. "Здесь речь идет о победе книги над устной традицией, - справедливо отмечает М. Элиаде, - о победе документа, и, прежде всего, документа письменного, над пережитым опытом, располагающим только долитературными средствами выражения". В итоге же: "Изменения, вызванные появлением письменности, оказались необратимыми. Отныне история культуры будет учитывать только археологические документы и письменные источники. Народ, не имеющий свидетельств такого рода, расценивается как народ без истории". (3).

В связи с этим можно говорить о настоящей экспансии исторической значимости, отягощенной логоцентризмом и книжным авторитаризмом, о крестовом походе логоса против мифа и традиции. Не случайно все мировые монотеистические религии,

возникшие именно в период борьбы и победы логоса над мифом (о чем речь пойдет ниже), немислимы без книги.

Несмотря на записанные диалоги Платона, Атлантида так еще и не получила достоверных археологических свидетельств своего существования. Историческая наука, основанная на рациональности, ничего не принимает на веру, отвергает веру и требует вещественных доказательств, как следователь по уголовным делам или прокурор. Атлантида оказывается страной без истории, т. е. мифической (как и вся праистория). Очевидно, что прорваться к ней можно лишь путем деконструкции логоса. Но не в смысле, приданном этому термину Ж. Деррида. Нет. Речь идет о тотальном проекте деконструкции истории, осуществляемом средствами эсхатологии, в высшей и финальной точке которого мы встречается с Атлантидой, разделяя ее судьбу.

Решающим этапом победы исторического логоцентризма становится т. н. "осевая эпоха" (по терминологии К. Ясперса) период между 800-200 гг. до н. э., время появления мировых религий и философии. С этого момента историю как опыт рационализации хаоса и мифа, "просвещения" их светом логоса можно считать вполне состоявшейся. Но, несмотря на это, остается ряд вопросов, имеющих непосредственное отношение к метаистории, вполне терпеливо относящейся к сослагательному наклонению.

Если бы Атлантида существовала, то она идеально бы соответствовала роли и месту материнской працивилизации "X", объясняющей внезапный расцвет некоторых исторически "известных" нам цивилизаций (Египет, ольмеки в Центральной Америке) и наличие определенного параллелизма между ними в материальной и духовной культуре (культ солнца, строительство пирамид, методы мумификации и т. д.). Однако само только предположение, что все цивилизации могли произойти из одного центра или, по крайней мере, иметь в нем исток и импульс своего возникновения, современная наука считает величайшей ересью.

Если бы существования и гибели Атлантиды никогда не было, вряд ли мы имели бы возможность прочесть о Всемирном потопе в Библии именно в том поистине метаисторическом смысле, каким он в ней характеризуется. О глобальном, всепланетном характере Потопа повествуют и многие другие священные тексты и предания, что также свидетельствует в пользу его истинности. После гибели Атлантиды, затонувшей, скорее всего, в результате какого-то космического фактора (падения астероида "А" либо опасной близости к земле кометы Галлея) (4), над планетой в течение многих столетий, и даже тысячелетий, висел скрывающий Солнце непроглядный мрак, вызванный не осевшими вулканическими частицами пепла и пыли. Именно из этого "первоначального" хаоса стал складываться космос послепотопной истории, возникли "первые" города (Чатал-Гююк и Иерихон) и древнейшие государства Египет и Шумер. Тем, что историческое человечество стало именно таким, оно всецело обязано атлантической катастрофе.

Но "слишком человеческое", чуждое духу традиции, понимание истории подсознательно боится мифа как своей праистории, как своей инаковости. И боится не безосновательно. Многочисленные открытия последнего времени, свидетельствующие как о реальности Атлантиды, так и в принципе удревняющие возраст нашей цивилизации на многие тысячелетия (5), сильно сдвигают привычную нам историческую хронологию. Главное же, что они заставляют усомниться в т. н. "прогнесе" как движущем и обязательном факторе развития человечества и недвусмысленно свидетельствуют в пользу циклического, а не линейного характера развития истории.

Если сама Атлантида выступает для нас как праистория, то миф об Атлантиде есть собственно метаистория в узком ее смысле.

Уже в учении Платона об идеях последние обладают метаисторическим значением. По мнению Г. Ревзина, платоновские идеи ("эйдос") - это попытка найти нечто неизменное в потоке текучей истории, "попытка мифологической культуры отстоять себя саму на фоне истории. Эйдос космоса - это средство противостояния, борьбы с деградацией космоса" (6).

Ради справедливости следует отметить одну особенность понимания Платоном мифа и истории. Обычно критики Атлантиды указывают, что миф о затонувшем острове специально был сочинен философом как "историческое" доказательство своим идеям, изложенным ранее в "Государстве". Между тем в диалоге "Тимей" идеи Платона об идеальном государстве названы "мифом", тогда как рассказ об Атлантиде именуется не "вымышленным мифом", но "правдивым сказанием". Более того, в этом диалоге Критий для большей истинности предлагает Сократу отождествить рассказанный им "миф" об идеальном государстве и его гражданах с действительностью, с историей о предках афинян, боровшихся с атлантами (7). Иными словами, авторитет платоновского "мифа" о государстве подкрепляется апелляцией к исторической достоверности "правдивого сказания" - мифа об Атлантиде. Да, критики не ошиблись: Атлантида была нужна Платону. Но они не заметили, что мифом являлись для философа именно его идеи о государстве, а рассказ об Атлантиде - правдивой историей. Причем не просто историей, но историей иерархически высшей, сакральной, (сама мысль о вымышленности, а значит, ложности которой, была кощунством для Платона и его времени; запятнала бы не только имя Платона, но и имя его предка Крития, и допустить такое древнегреческому мыслителю было бы немислимо). Ибо в данном случае история об Атлантиде является архетипом "золотого века", историзованного рая, т. е. собственно метаистории в нашем понимании.

Кроме того, являясь еще и архетипом мифа эсхатологического по преимуществу, Атлантида выступает и как архетип космогонического мифа, - мифа творения, поскольку в ней скрыт исток происхождения нашей истории. Она - начало и конец, альфа и омега нашего метаисторического (и исторического) горизонта. История, или миф об Атлантиде, (оба эти понятия сливаются в ее метаисторической сути) идеально выражают футурологическую сущность эсхатологии: творение нового мира возможно лишь после разрушения старого. Возврат к "золотому веку" (как бы мы его не конкретизировали - Атлантиде, Гиперборее (8) возможен лишь через его разрушение: через циклически повторяющиеся катастрофы и гибель многочисленных "Атлантид" - мировых цивилизаций в масштабе планеты. Как отмечал М. Элиаде, "понятие периодического творения, то есть циклического возрождения времени, ставит вопрос об "отмене" истории" (9). Иными словами, вопрос о признании Атлантиды, признании циклического характера развития истории. Атлантида отменяет историю. Поэтому "любители" истории стараются ее не замечать, замалчивать, испытывая к ней вполне оправданный *terror anticus*. В метаистории значимы лишь сверхчеловеческие цели, и ее не страшатся ставшие по ту сторону истории... (10).

Для всех остальных, находящихся по эту сторону исторического, единственной реальностью остается история. И к ней, согласно Ф. Ницше, возможно тройкое отношение: монументальное, антикварное и критическое (11). Монументальное же есть историческое, захваченное мифом. Отсюда понятно, что монументальное отношение приложимо более к метаистории, и Атлантида достойна именно его. Но монументального

боятся. Его взрывают. И к Атлантиде, как правило, прилагается антикварное или критическое отношение.

Причины этого лежат в природе самого исторического мышления. Оно анализирует более следствия, а не причины, находясь всецело в сфере экзотерического. Сама историческая наука насквозь идеологична, основана на лже-мифах и экстраполирует последние в массовое сознание.

Вследствие этого исторические исследования, ведущиеся с профанных позиций, неизбежно встречаются на своем пути определенного рода трудности, или "барьеры". По мысли французского традиционалиста Р. Генона, первый из таких барьеров находится в VI в. до н. э., где начинается собственно история; второй у начала Кали-Юга, а третий соответствует эпохи гибели Атлантиды. Суть этих барьеров в том, что за ними уже нет надежной хронологии, и многие из привычных нам понятий и представлений не применимы по отношению к древним цивилизациям (12). Неудивительно, что открыть Атлантиду, а тем более понять ее культуру (в случае открытия), - задача очень сложная, поскольку ее предмет лежит практически за пределами истории. Современная историческая наука и мышление не могут даже не столько открыть, сколько принять Атлантиду. Само допущение, что в каменном веке могла существовать столь развитая цивилизация, превосходящая в чем-то современную, кажется немислимым.

Как известно, в Средние века интерес к Атлантиде практически отсутствовал, поскольку ее возраст явно превосходил 5508 г. до н. э. - вычисленный по Библии год сотворения мира. Однако и сейчас, как это на первый взгляд не покажется парадоксальным, библейская картина мира как подсознательная парадигма современной исторической науки мешает принятию Атлантиды. Понятно, почему она не приемлема для христианства. Для христианского понимания истории Атлантида, лежащая за пределами библейской хронологии, не имеет смысла, не полезна, ибо является мифом, восстанавливающим не христианские ценности, а действительную древнюю историю. За критикой и непризнанием Атлантиды наукой и христианством стоит не столько опровержение догм науки о древности цивилизаций и догм религии о библейском возрасте человечества, сколько боязнь признания любых древних цивилизаций (старше общепринятых), в результате чего будет подвергнут ревизии тезис о линейном характере развития истории (исповедуемый как религией, так и наукой в настоящее время).

Воскресение Атлантиды из глубины исторического забвения невыгодно очень многим по разным причинам, имеющим общий знаменатель: "не укладывается", "не соответствует", "противоречит" и т. п. К уже сказанному можно добавить и следующее. "Разве не замалчивали ради спасения устаревшей схемы Египет и Вавилон, одни только замкнутые в себе истории которых, каждая сама по себе, уравнивают так называемую всемирную историю от Карла Великого до мировой войны, и дальше того, трактуя их в качестве прелюдии к античности; разве не загоняли с несколько смущенной grimасой могучие комплексы индийской и китайской культуры в какое-то примечание, и разве не игнорировали вообще великие американские культуры, поскольку-де они лишены связи (с чем?)?" (13). Эти слова О. Шпенглера из его I тома "Заката Европы" о европоцентричности и логоцентричности схемы всемирной истории как причины исключения из нее других не европоцентричных культур, полностью приложимы и к Атлантиде (14).

Логос обычно связывается с "центром" (Европой), но никак не с Западом (где была Атлантида). Однако в настоящее время акценты сместились, и можно уже говорить о "западной" модели всемирной истории. "Центр" переместился на Запад (включающий в

себя как Европу, так и США). Западная культура и западные ценности, пропагандируемые новым мировым порядком, невольно оказались "подключенными" к атлантской мифологии. Метаисторические архетипы как никогда близко оказались придвинуты к своим историческим эрзацам и подобиям.

Так, вполне оправданная с точки зрения геополитики, аналогия между Атлантидой и США и признание за ними статусов мировых "центров" провоцирует на отождествление их судеб. Во-первых, это война, возможная для США с какой-либо страной Старого Света или Азии (в т. ч. и с Россией), аналогичная экспансии атлантов. Во-вторых, это гибель в огне и в волнах Потопа (15), как наказание за грехи впадшим "в жалкую развращенность", по слову Платона. Атлантида становится архетипом катастрофы западной цивилизации.

Но последняя не хочет признать ее как свою предшественницу, ибо это будет для западного мира равносильно признанию в неизбежности собственной гибели, тупиковости своих путей развития. Признанием Атлантиды (не говоря уже о реальных доказательствах ее существования) Запад распишется в бессмысленности и ложности главного своего мифа, мифа Запада о прогрессе. Уничтожением этого мифа Западу будет подписан смертный приговор. Нелишним будет напоминание, что миф о прогрессе основывается на христианском понимании линейного характера исторического развития. Но Атлантида свидетельствует о циклическом характере этого развития, и потому она для западной цивилизации и науки особенно не приемлема.

Игнорирование всего комплекса метаисторической проблематики, связанной с Атлантидой, может дорого стоить не только Западу, но и всей мировой цивилизации. В отличие от законов истории, чье существование и неизблемость прямо пропорциональны долголетию и количеству различных школ исторической науки, законы метаистории обойти еще никому не удавалось. Не поздно ли одуматься и внимательнее всмотреться в судьбу Атлантиды?

Причины ее гибели недвусмысленно были указаны еще Платоном. Первая из них состояла в ослаблении "божественной природы" в атлантах и растворение ее в "смертной примеси", в результате чего возобладали "человеческий нрав" (16). Угасание божественного начала в человеке и забвение им сверхчеловеческих ценностей и метаисторических целей более чем веская причина для всемирного катаклизма. Вторая причина, указанная Платоном, состоит в циклическом характере природных катастроф в истории Земли. "Уже были и еще будут (курсив мой. - Г.Н.) многократные и различные случаи гибели людей, и притом самые страшные - из-за огня и воды, а другие, менее значительные, - из-за тысяч других бедствий", - говорит египетский жрец Солону (17). И как итог всему - "боги, творя над землей очищение, затопляют ее водами" ...

Эта метафизика катастрофы (и бывшая и грядущая), архетипически предзаданная нам в судьбе затонувшего острова, была гениально понята и осмыслена Д.С. Мережковским в его книге "Атлантида - Европа. Тайна Запада" (1930). Не вдаваясь в подробный анализ основных идей, изложенных в ней и требующих специального рассмотрения, укажем лишь, что по Мережковскому, история немыслима вне метаистории. В своем единстве они образуют Божественную трилогию: "Атлантида, История, Апокалипсис - три человечества" (18). . В финале метаисторической драмы апокалиптический огонь должен соединить второе человечество (Историю) с первым (Атлантидой) (19). Если довести мысль Мережковского до логического конца, то за его признанием гибели Атлантиды Первым Апокалипсисом, неизбежно встанет вывод, что второй, собственно Апокалипсис, вовсе не обязан быть последним... Главное же, что Мережковский остается прав в

основной своей интенции: катастрофа Атлантиды есть опрокинутая в прошлое эсхатология Апокалипсиса.

"Было и будет!" - вопиют волны Атлантики, но мы не слышим" (20). "Конец Истории" более предчувствуется, чем осознается метаисторически неизбежным. Быть может, еще есть время вчитаться в Платона и понять всю уникальность зашифрованной в его (его ли?) "мифе" об Атлантиде информации. Творение древнегреческого философа обычно относят к жанру философско-литературной утопии. Но некоторые из произведений этого жанра (и работа Платона, без сомнения, в их числе) являются не просто текстом. Такого рода текст со временем становится текстом, проектирующим и творящим историю, задающим ей цель и программу. Эта его креативная способность и сущность делает подобный текст метаисторическим документом, нередко с эсхатологическим подтекстом, но всегда с эзотерическим смыслом, лежащим под внешней, экзотерической формой и содержанием. Утверждающие, что конец истории состоит в "смерти" утопии, находятся ближе к истине, чем предполагают. Это означает, что утопия более невозможна и не нужна, ибо какой-то из утопических проектов стал реальностью, и "конец уже близок".

Мифологема Атлантиды относится к числу именно таких метаисторических проектов. Она представляет собой тот редкий случай, когда топохрон исторического действия максимально настроен на хронотоп мифологического архетипа. Резонанс от их взаимодействия должен быть оглушающим. В результате, по меньшей мере, произойдет настоящая революция, т. е. возврат (в буквальном этимологическом значении этого слова) к традиционному, циклическому пониманию исторического развития. По большей же мере, нам предстоит разделить судьбу Атлантиды и тем самым вернуться к своей праистории. В любом случае метаистория сможет приоткрыть нам одну из своих самых великих и загадочных тайн.

1. Рассмотрение вопроса о достоверности платоновского сказания выходит за рамки обозначенной темы статьи. Однако можно отметить, что многочисленные факты и открытия (особенно сделанные за последние десятилетия), равно как и введение в научный оборот новых гипотез, позволяют говорить о реальности существования Атлантиды с большей уверенностью, чем когда бы то ни было. И говорить о ней именно в тех пространственно-временных координатах, которые были указаны Платоном.

2. Под "традицией" мы понимаем интегральную, примордиальную, или гиперборейскую традицию, в том смысле, в каком она представлена в работах Р. Генона. Естественно, что с этих позиций не может быть и речи о каком-либо серьезном отношении к концепциям Атлантиды, разработанным в различных неоспиритуалистических (теософия и т. д.) течениях XIX-XX вв.

3. См.: Элиаде М. Аспекты мифа. ИНВЕСТ-ППП., 1995., С. 159, 162.

4. См. об этом подробнее: Зайдлер Л. Атлантида. М., 1966; Войцеховский А.И. Тайны Атлантиды. М., 2000.

5. В числе этих открытий особенно стоит отметить обнаружение "водной эрозии" Сфинкса Дж. Э. Уэстом и Р. Шохом, позволяющей отнести его сооружение к 10 тысячелетию до н. э.; а также открытие проф. Джорджио де Сантьяны и Гертты фон Дехенд остатков передовой астрономической науки погибшей цивилизации и т. н. "прецессионного кода", зашифрованного на языке мифов. Последнее открытие позволяет говорить о связи явления

прецессии (имеющей циклический характер) с глобальными катастрофами в истории земли. См. Хенкок Г. Следы богов. М., 1997.

6. Ревзгин Г. Картина мира в архитектуре. "Космос и история" // Вопросы искусствознания. 1994., № 2-3., С. 40.

7. См.: Платон. Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 3. М., 1994. С. 430-431.

8. Интересная проблема соотношения Атлантиды и Гипербореи нами здесь не рассматривается. Но вслед за Р. Геноном мы считаем безусловно вторичным характер атлантической традиции по отношению к гиперборейской.

9. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. СПб., 1998. С. 86.

10. Имеются в виду избравшие путь инициации. В метафорическом смысле сама Атлантида также может выполнять инициатическую роль. Чтобы осуществить новое творение (трансмутацию), надо вернуться к предшествующему состоянию космоса - хаосу. Погружение в бездну, хаос (и в Атлантиду) есть "нисхождение во ад" истории и своей души: *pigredo* - 1-я стадия алхимического делания. Не случайно Геракл в своем последнем подвиге, чтобы добыть золотые плоды Гесперид с райского дерева жизни, нисходит именно в царство мертвых, располагающееся на Западе...

11. См.: Ницше Ф. Сочинения в 2-х тт. Т. 1., М., 1990., С. 168.

12. См.: Генон Р. Царство количества и знамения времени. М., 1994., Ю С. 135-136.

13. Шпенглер О. Закат Европы. Т. I. М., 1993. С. 146.

14. Достаточно указать, что Атлантиду получил в свой удел Посейдон, а не Зевс, и в самом облике атлантических богов, по сообщению Платона, было нечто "варварское" т. е. негреческое. Античность же считается первым элементом в европоцентричной модели истории (Античность - Средние века - Новое время).

15. Последнее более чем вероятно в результате очередной циклической катастрофы в истории Земли (наклона земной оси и смены полюсов как следствия достижения ледниковыми шапками критической массы, движения литосферных плит, космических факторов и т. д.). См. об этом: Черняев А.Ф., Удалова С.Н. Время пирамид. Время России. М., 2000.

16. Платон. Указ соч., С. 515.

17. Там же. С. 426.

18. Там же. С. 427.

19. Мережковский Д. Атлантида - Европа. Тайна Запада. М., 1992. С. 156.

20. Там же. С. 25.

21. Там же. С. 26.